

АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Э.А. ШЕУДЖЕН

**Н.М. КАРАМЗИН
О НАРОДАХ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
контуры
исследовательских
проблем**

Майкоп
2013

УДК 94(470.6)"17/18"
ББК 63.3(2)513
Ш 52

Издание осуществлено при финансовой поддержке
исследовательского проекта №6.768.11.
по заданию Министерства образования и науки
Российской Федерации (2012 г.)

Шеуджен Э.А.
Н.М. Карамзин о народах
Северного Кавказа:
контуры исследовательских проблем.
— Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. — 74 с.

Предлагаемая читателю работа является первой частью задуманного исследования, посвященного истории народов Северного Кавказа в контексте российской классической историографии. По замыслу автора, она может способствовать закреплению интереса современных историков к российской историографической традиции.

***История свидетельствует,
что есть время для заблуждений
и для истины...***

Н.М. Карамзин

XIX век был для Европы веком Истории, веком Истории он стал и для России. В российском обществе под влиянием новых идей Просвещения и Романтизма усилился интерес к историческому прошлому: «отечественная старина» теперь привлекала внимание не только ученых, но и писателей, публицистов, издателей, переводчиков, да и просто любителей истории от знатных вельмож и светских дам до военных и духовенства. Именно в это время была создана «История государства Российского» **Николая Михайловича Карамзина** (1766—1826), не только подводящая итог предшествующего развития исторического знания, но ставшая мощным стимулом «выхода» на европейский историографический уровень¹.

Неизбежно возникает вопрос: имеет ли сегодня смысл обращение к данному сочинению? На протяжении последнего столетия историки имели возможность не только наблюдать, но и непосредственно *испытать* влияние на историографический процесс резких «поворотов» и «отказов». В результате стало утверждаться мнение, что «мудрость прошлого, которой общество когда-то доверяло, становится несущественной в культуре,

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. В 4 кн. М., 1998.

в которой сегодняшние новации завтра устаревают»¹. Эта идея во многом определяет отношение историков к интеллектуальному наследию как *значимой, но антикварной ценности*.

В то же время, несмотря на подобные заявления, все более осознается потребность обращения к историографическому опыту, стремление восстановить обветшалые мосты с историческими сочинениями прошлых веков. Более того, возрастает интерес к так называемой *повествовательной* («нарративной») историографии, относимой модернистски настроенными историками к устаревшим формам историописания. Заметно упрочиваются позиции сторонников «повествования» как метода написания истории: возвращаются, такие, казалось бы, навсегда отвергнутые формы исторического сочинения как «рассказ». В связи с этим Ф. Анкерсмит замечает, что лучше говорить об исторической репрезентации, чем о повествовании, акцентируя внимание на том насколько анализируемый текст адекватен прошлому². Подобный подход открывает путь для обращения к историческим текстам и «теоретически ориентированным» историкам.

Потребность преодоления сложившейся ситуации обуславливает направленность данной работы. Сегодня крайне важно восстановить «прерванную связь времен», возродить интерес к почти «забытым» историческим сочинениям. В этом смысле, обращение к истории Российского государства Н.М. Карамзина, по праву названному Колумбом российской истории, позволяет осознать не только тенденции развития русской истории, но и, в частности, понять, *как происходило* складывание российской историографии Северного Кавказа; каким был в начале XIX века уровень знаний о народах этого региона, многотрудными путями входивших в состав Российской империи.

При этом речь идет о принципиально значимых подходах, позволяющих не только представить структуру и информативный объем существовавшего исторического знания, но и способствующих пониманию смысла сложившихся представлений о соотносительности русской (российской) и северокавказской истории. Стремление ответить на эти вопросы обусловило логику обращения к работе Н.М. Карамзина именно в этом ракурсе.

Более того, на границе мира и Кавказской войны история народов этого региона привлекала все большее внимание

¹ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 49.

² Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 12.

российского общества. Казалось бы, большинство народов этого региона, не имея письменности, а, следовательно, и фиксированных документальных свидетельств своей истории, должны были бесследно затеряться в безграничных пространствах прошлого, оставаясь «*Terra incognita*». Однако судьба распорядилась иначе: на протяжении тысячелетий, по соседству возникали могучие империи Греция, Рим, Порта, Византия, Россия и всегда находились люди, стремившиеся понять жизненную силу этой земли и населяющих её народов.

Как справедливо отмечал Вольтер, отсутствие письменности не помешало бесписьменным народам войти в мировую историю благодаря трудам представителей народов, владевших письменностью¹. Разумеется, сочинения западно-европейских, арабских, турецких, да и многих русских авторов (В.Н. Татищева, М.М. Щербатова и др.) были известны лишь ограниченному кругу специалистов. С выходом в свет «Истории» Н.М. Карамзина появился прецедент: историческая работа, говоря современным языком, стала бестселлером, формирующим массовые исторические представления, непосредственно влияющим на состояние общественного мнения.

В данном контексте не менее важно отметить, что история российского государства Н.М. Карамзина в значительной степени определяла тематическую направленность зарождавшейся историографии народов Северного Кавказа. Так, уже в работе Хан-Гирея (1836 г.) имелись отдельные ссылки на «Историю», свидетельствующие о том, что сочинение Н.М. Карамзина стало важным методологическим ориентиром на пути создания одной из первых работ по истории народов северокавказского региона².

Еще более выражено влияние Н.М. Карамзина на творчество Ш. Ногмова. В его историю адыгского народа (1838 г.) помимо прямых ссылок³, вошли целые отрывки, почти дословно совпадающие с текстом «Истории государства Российского»⁴. При этом, характерное для Н.М. Карамзина полное доверие к свидетельствам фольклорных и летописных источников, стало «образцовым» не только для Ш. Ногмова, но и для последующих северокавказских исследователей.

¹ История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 260.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 87, 227, 228.

³ Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 87, 88, 99.

⁴ Там же. С. 66 — 70, 73, 82, 121 — 122.

Тем не менее, в дальнейшем интерес к творчеству Н.М. Карамзина стал заметно снижаться: его историографическое наследие попадало в ряд «чуждой» — то «монархической», то «буржуазной» историографии. В наши дни ситуация мало изменилась: «История» Н.М. Карамзина оказалась в тени теоретико-ориентированных работ, явно не вписываясь в требования «нового» исторического знания. В результате даже в академическое издание по истории народов Северного Кавказа вошло лишь одно извлечение из его работы скорее романтического, чем научного характера¹. Точнее говоря, Н.М. Карамзин и его «История» сохраняют скорее знаковый, чем научный смысл².

Это, не столь уж редкое для историографического процесса явление, можно объяснить, но *трудно понять*. Н.М. Карамзин не может «устареть», он был и остается ярким явлением интеллектуальной истории. Причина углубляющегося «забвения», прежде всего, в нашем нигилистическом отношении к историографической традиции, в недооценке своеобразия и значимости российской исторической мысли.

Надеюсь, что данная работа будет способствовать закреплению интереса северокавказских исследователей к российской историографической классике. Конечно, при этом необходимо учитывать, что историческое прошлое представляет особый, весьма изменчивый объект изучения. Буквально на глазах меняются теоретические подходы, предметные границы исторических исследований, методология, вводимые в научный оборот источники, ценностные позиции, социальная значимость истории и, в конце концов, сам историк. Историческая эволюция — отнюдь не научный эксперимент, который ставится для того, чтобы доказать или опровергнуть что-либо: «он подобен судьбе»³.

Учитывая эти обстоятельства, крайне важно общими усилиями выработать особое нравственно-критическое отношение к накопленному предшествующими поколениями опыту. Речь идет не о том, что бы все труды и идеи хранить в антикварной лавке как «остатки» старины, а о благодарном, но, в то же время, критическом подходе, позволяющем преодолеть ошибки и заблуждения прошлого.

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 340.

² Дерико О. Хан-Гирей. Черкесский Карамзин. [Электронный ресурс]. URL: fond-adygi.ru/page/han-girej-zhizn-i...cherkesskogo.

³ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. С. 94.